

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

В оформлении книги использован шрифт «Клементина»
«© Студия Артемия Лебедева».

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Всегда говори «Всегда» : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-699-90058-9

Она была уверена в себе, в жизни, в своем муже, который казался ей лучшим из людей! Все изменилось в одночасье. Придуманный мир, такой милый и уютный, рухнул ей на голову, и она не успела спастись! Впрочем, она и не пыталась, ибо доверяла и любила, и ей даже в голову не приходило спастись от тех, кого любит!

Ей предстоит выбраться из-под обломков и обнаружить, что цветущий сад, в котором она жила, превратился в груды дымящихся развалин!.. Но в трудностях рождается характер! Она найдет в себе силы начать все сначала. Она обретет новые точки опоры. Она узнает истинную цену словам и поступкам. Она станет сильной, а это совсем не легко!..

Может быть, ее новая жизнь и не будет похожа на цветущий сад, зато уж точно это настоящая жизнь. И мужчина рядом окажется самым настоящим, а не фальшивой картонной подделкой!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т. В., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2018

ISBN 978-5-699-90058-9

Под утро ей опять приснился тот же самый сон.

Этот сон мучил ее, и, ложась спать, она заранее боялась и ждала его. Он повторялся, но в разных вариациях, и в них была некая иезуитская изощренность — в том, что вроде бы все то же самое, но всегда с какими-то новыми деталями.

Она боялась этих деталей и в то же время упивалась ими, как будто в них было предчувствие судьбы, и она страшилась и хотела заглянуть за занавес — вдруг там показывают то, что еще только когда-нибудь будет?..

И как пережить, если это будет на самом деле?

Сны были фотографические, четкие.

Впрочем, она и видела фотографии. Множество фотографий. Все они — яркие, радостные, чудесные. На них — счастливая семья, «семейная хроника».

Она сама, и дети, и Стас, и что-то такое веселое, пикник или, может, день рождения. Новогодняя елка с горой подарков под ней.

Стас в маске волка, смешной такой и совсем не страшный, милый, домашний, прирученный волк. И она в маске, только не знает в какой, посмотреть бы в зеркало, но его, как назло, нет! И она

все ищет глазами зеркало, чтобы взглянуть, понять, кто же она, — и не находит.

А потом весна, зеленеющие деревья, речка под горой, дети в ярких куртках бегут по берегу. Бабка в платочке на крохотной железнодорожной станции, «весенняя» толпа пассажиров с корзинами и саженцами, обмотанными тряпками и пакетами.

Откуда взялась эта бабка? Может, она видела ее давным-давно, когда со Стасом на дачу ездили?..

Потом она смотрит детские рисунки, это уже дома или в большой светлой студии. Там почти нет мебели, зато много окон и широкого простора. Рисунки радостные, спокойные и совершенно разные — цветы, непонятные звери, кляксы. А вот на рисунках осень, желтые листья, синее небо.

Даже во сне она знает, что сейчас все закончится. Она знает и тянет и тянет время, боясь повернуться, потому что за спиной всегда оказывается одно и то же.

Огромное пустое помещение, и она в нем одна. Больше ничего и никого нет, только огромное пыльное зеркало на стене. Ее тянет к нему как магнитом, она не хочет идти, но все-таки идет, какая-то сила словно тащит ее. Она не хочет смотреть, но как преступник, которого тянет увидеть жертву, все-таки поднимает голову и вглядывается в мутное изображение.

И как только она начинает различать свое лицо, зеркало вдруг трескается, и осколки с грохотом сыплются на пол, ей под ноги!..

Всхлипнув, Ольга резко села в постели.

В голове как будто остались осколки стекла, было остро, колко и страшно, и слезы, которые

она вытирала кулаками, тоже казались ей стеклянными.

Да нет. Самые обыкновенные слезы. Она постепенно приходила в себя, и дыхание успокаивалось. И проклятые осколки перестали колоть.

Утро, кажется, раннее. Будильник еще не звонил, точно. И, похоже, она разбудила Стаса. А ему бы надо поспать!..

Он заворочался рядом, и она тихонько пошептала ему на ушко, как маленькому:

— Чш-ш...

— Оль, ты чего?.. Утро, что ли?

— Ты спи пока.

Ей хотелось его поцеловать, такого сонного и такого родного, и она поцеловала, коснувшись губами, легко-легко.

— Сколько там?

— Только полвосьмого.

Стас зевнул и потянулся.

— И чего тебе не спится?..

— Да опять приснилась ерунда какая-то...

Ему не хотелось вникать в «ерунду», которая ей приснилась. Ему хотелось еще поспать, ну хоть десять минут — он вообще был соня, рано вставать не любил и не мог, и для него всегда важны были эти утренние десять минут.

И Ольга об этом знала. Недаром они прожили вместе столько лет.

Он еще повозился под одеялом и сказал с добродушным неудовольствием, уже почти проваливаясь в сладкое марево:

— Сама не спишь и мне не даешь...

Ольга потрясла головой, прогоняя остатки дурацкого сна, и озабоченно посмотрела на будиль-

ник. Хочешь не хочешь, а надо вставать, валяться больше нельзя!

Сейчас навалится день, разгонится и покатится — день как день, ничего особенного, вчера был такой же, и завтра, бог даст, будет не хуже.

Маленькой, в книжке про Ходжу Насреддина Ольга читала, что в размеренной, привычной и уютной жизни каждый день бесконечно долог, но, складываясь в годы, месяцы и недели, время мчится с непостижимой быстротой — оглянешься назад, и захватывает дух!.. Казалось бы, всего ничего, а целая вечность уже прошла.

Казалось бы — поженились только вчера, свадьбу сыграли!..

Вот именно «сыграли», а не «отпраздновали» и не «отметили»! Все было «по правилам», так, как надо, как «полагается».

Поначалу Ольга пыталась протестовать против аккордеона, тети Клавы и дяди Петра, а также против каравая на рушнике, дальних родственников из деревни, которых жених с невестой в глаза никогда не видали, против трех бутылей мутного самогона, которыми очень гордился будущий свекор, утверждая, что содержимое бутылей гораздо лучше магазинной водки.

— Да ты глянь, глянь, — говорил он Ольге и толкал ее в бок заговорщицки. — Чист, как слеза младенца! Никакой сивухи! Хоть генералов угощай!..

Будущий свекор всю жизнь прослужил водителем у разнообразных «больших начальников» и в генералах, по всей видимости, разбирался хорошо.

Ольге наплевать было на генералов, на свекра с его самогонным энтузиазмом, на свекровь, которая поджимала губы и говорила соседкам, что еще

неизвестно, что выйдет из снохи. Странная какая-то, восторженная, рисованию училась, хотя чего ему учиться, рисованию этому, только деньги переводить!.. Самое главное, самое важное — у нее, Ольги, есть Стас и ее необыкновенная, огромная любовь к нему, какой, конечно же, ни у кого никогда не было и не будет!

Стас, высоченный, широкоплечий, сильный, хватал ее под коленки, сажал на плечо и носил — просто так, от радости жизни, от того, что она казалась ему маленькой и легкой, как пушинка!.. А она держалась за его шею, болтала ногами и замирала — от высоты, от счастья, от любви, от предчувствия еще бóльших, необыкновенных радостей.

Потом они целовались за смородиной на свекровиных «шести сотках», куда Ольга приезжала на «смотрины». Все соседи должны были оценить невесту. Стас считался завидным женихом — работающий, непьющий, предприимчивый, да и семья на ногах стоит крепко, деньжонки водятся, дачка достраивается, машина «Волга», ухоженная, чистенькая, не развалюха какая-нибудь, как у некоторых!..

Ольга изо всех сил старалась понравиться будущим родственникам — посмотрите, какая хорошая хозяйка, все у нее в руках горит, за что ни возьмется, все моментально сделает, и хорошо сделает, красиво!.. Она даже морковку полола как-то так, что грядочка после прополки как будто улыбалась благодарно, а всем на свете известно, что нет ничего хуже, чем полоть морковь, отмахиваясь от комаров и разгребая руками тоненькие веточки слабой зеленой ботвы!.. Веточки тут

же начинают валиться во все стороны, и вид получается неряшливый, неопрятный, как будто волосы на голове выдрали клоками!..

Еще Ольга изо всех сил старалась понравиться друзьям и их женам — Стас женился одним из последних. Они приняли ее сразу, кроме, пожалуй, закадычного друга Митяя, с которым Стас когда-то служил в армии. Тот все чего-то фыркал, мотал лобастой башкой, косился и однажды даже сказал Стасу, что Ольга ему «не пара». Стас отмахнулся, а Ольга обиделась, но ненадолго. Она вообще не умела и не любила сердиться подолгу, всерьез. Умудренные опытом семейной жизни девицы, жены, говорили немного ревниво, что надо еще посмотреть, что будет через годок-другой. Поначалу-то все целуются, как бы потом драться не начали, всякое бывает. Жизнь штука такая, в ней не закажешь!..

Но Ольга точно знала, что драться они не будут, ни за что и никогда! Недаром в детстве ее учили рисованию. Картинки, нарисованные в голове, были так прекрасны, так заманчивы и так отчетливы, что она не сомневалась — все сбудется, и именно так, как она нарисовала!

Вот счастливый малыш сидит на загорелых папиных плечах, большие мужские руки уверенно держат пухлые детские ножки.

Вот утренник в школе или, может, в детском саду, и они оба любят белочку или зайчиком, скачущим в самом центре визжащего, веселого, счастливого детского круга.

Вот море до горизонта. Небо до моря. Песок до воды. В воде волны, синие-синие, и там, в синеве, как будто в счастливом сне, стремительно и не-

слышно идет под белым парусом яхта. На песке сидит босой мужчина, он улыбается, и солнце блестит на загорелой коже его плеча, и самое главное — это любимый мужчина, открытый, понятный и ясный, мужчина «навсегда», что бы ни случилось и как бы ни повернулась жизнь!..

Ольга Громова знала совершенно точно — если сильно чего-нибудь желать, это обязательно сбудется. Самое главное — желать... правильно.

Из того, о чем мечталось когда-то, сбылось почти все — дети, утренники, семейные пикники на природе, собственное дельце, небольшое, но свое, доход не бог весть какой, но на все хватает. На море, правда, пока так и не съездили, но, главное, Стас счастлив! Ему всю жизнь так хотелось заниматься машинами — вот он и занимается в своей автомастерской, где все как у людей, и гараж, и мойка, и мастера хорошие!.. К нему даже в очередь записываются, и вообще в их городке ее муж — человек не последний.

Когда она так подумала про Стаса — не последний, мол, человек! — ей стало вдруг ужасно смешно. Ну, надо же, до чего дело дошло, она думает, как какая-то клуша из кино про провинциальную жизнь!.. Лежит с утра пораньше под бочком у любимого супруга и размышляет — всерьез! — о том, что ее муж занимает «известное положение», и сама от этого в восторге.

— Ста-ас, — позвала она тихонько и засмеялась.

Ей очень хотелось, чтоб он проснулся. Она повернулась, подперла голову рукой и уставилась на него — вдруг он просто так возьмет да и проснет-ся, но он, конечно же, не просыпался! Тогда она

дунула ему в ухо. Он завозился, как разбуженный среди зимы медведь, но глаз не открыл.

Она знала, что он уже не спит, конечно. И все это была просто игра, и ей нравилось в нее играть.

Сделав вид, что совсем уже собирается вылезать из постели, Ольга неожиданно прыгнула на мужа. Какое-то время он крепился, а потом все же захотел, и из-под одеяла высунулась рука и утянула ее туда, где было горячо и щекотно.

Некоторое время они целовались под одеялом, а потом Ольга вынырнула, просто чтобы подышать немного.

— Мама!

Они замерли, как школьники, застигнутые родителями на бабушкином ковровом диване.

— Е-мое...

Ольга быстро зажала ему рот рукой. Если лежать тихо и признаков жизни не подавать, может, еще и...

— Мама! Мам, вставай!

— Да что такое-то?! Чего она поднялась ни свет ни заря?!

Ольга вздохнула.

Ничего не выйдет, это уже ясно как день.

День, день...

День настал, ничего не поделаешь. Лучше бы еще хоть немножко он не настаивал, честное слово!

— У Машки сегодня утренник. Вчера она никак не засыпала, а теперь вот видишь... готово дело!

— Вижу. — Вид у Стаса был сердитый, и Ольга, просто чтоб его утешить, прошептала ему в самое ушко:

— Ничего, мы вечером все успеем. Да?

Он пожал плечами и зевнул, широко, во всю

пасть. У него были великолепные крупные, белые зубы, как у молодого хищного зверя.

— Ты на утренник-то приедешь, папочка?

Стас захлопнул рот так, что зубы клацнули.

— Там поглядим.

Дверь скрипнула, и Ольга нырнула под одеяло — где-то там осталась ее скомканная ночная рубашка. В дверном проеме показалась растрепанная Машкина голова, которая сказала громким шепотом, со смешным негодованием:

— Мама! Ну, мама же!

— Машка, сколько раз мы с папой говорили, что в спальню заходить нельзя! Сначала нужно постучать, потом подождать, когда мы ответим, и только потом...

— Да-а, потом!.. Пока я стучать буду, мы на праздник опоздаем, я же в первой паре, с Колькой, он медведь! А если я опоздаю, с медведем поставят Ленку Брыкину!

— Не поставят.

— Поставят.

— Маш, выйди сейчас же, — сказал Стас внушительно, и Машку как ветром сдуло. Отца они с Мишкой побаивались немного, но Ольга считала, что это даже хорошо — раз побаиваются, значит, уважают, а авторитет отца в воспитании детей первое дело, по крайней мере, так в книжках пишут.

— Маша, я иду! И не беспокойся ты, никуда мы не опоздаем!

Пока закипал чайник, Ольга взболтала омлет в большой керамической миске — внутри миски были нарисованы цветы и птицы, ей очень нравилось. Все-таки когда-то она рисовала, и Григорий Матвеевич, учитель, говорил, что она «подает на-

дежды». Цветы и птицы были куплены на базаре у грустного пожилого узбека, который уверял, что такими узорами расписывают посуду берберские гончары. Ольге понравился узбек и то, что он говорил о берберах, и теперь омет у нее получался какой-то особенный, может быть, отчасти «берберский», хотите верьте, хотите нет!..

— Мама!

— А!

Ольга, потянувшись, достала с полки банку с чаем. Стас вечно ставит ее так, что не дотянуться!

— Мам, где мой рюкзак?

— Миш, он там, где ты его вчера бросил!

Запахло чаем, вкусно, по-утреннему. Впрочем, сама Ольга утром больше всего любила кофе, который, кроме нее, никто не пил.

Ну, она на работе выпьет!..

— Ма-ам, — жалобно провыл откуда-то Мишка, — а я не помню, где его бросил...

— Я тем более не помню!

— Ну, мам...

Тут в привычную утреннюю семейную симфонию вступил Стас, который тоже вечно все бросал и никогда ничего не мог найти.

— Никто не видел мои ключи?

— Никто не видел мой рюкзак?

Ольга разлила чай по кружкам — у Машки кружка с Винни-Пухом, у Мишки с машинками, а у Стаса с грудастой и хвостатой русалкой, эту гадость ему когда-то Митяй подарил. Ольга никак не могла от русалки избавиться, хотя и ненавидела ее лютой ненавистью. Русалка на кружке призывно изгибалась, вид у нее был на редкость распут-

ный. Ольга повернула кружку так, чтобы не видеть русалкину физиономию.

За табуретку, когда Ольга попыталась ее отодвинуть, что-то зацепилось, поволоклось, Ольга дернула табуретку, но безрезультатно, и пришлось лезть под стол.

— Мишка, иди сюда!

Ее прекрасный сын тут же явился — в пижамных штанах, которые были ему коротковаты, кроме того, изрядно помяты. Сверху он был облачен в отглаженный школьный пиджак и белоснежную рубашку.

Ольга, пятясь, вытащила из-под стола цветной детский рюкзак и нос к носу столкнулась с сыном:

— О господи... На кого ты похож?

Не отрывая глаз от рюкзака, как если бы это была потерянная и вновь обретенная драгоценность, Мишка умильно пробормотал:

— На папу...

— На папу!.. — Ольга сунула ему рюкзак. — Забирай и штаны не забудь переодеть! А если будешь все бросать где попало, я тебя укушу. Стас, ты нашел ключи?

Ее муж втиснулся в кухню, заняв сразу очень много места, плюхнулся за стол и шумно отхлебнул из кружки с гадкой русалкой. Телевизор бухтел невразумительно, и Стас, на ощупь нашарив пульт, прибавил громкость.

— ...восемнадцатые лунные сутки. Сегодня следует обратить особое внимание на нижние конечности, а также правое предплечье. Займитесь спокойной работой по дому и избегайте отправляться в путешествия...

— Слышь, в путешествие сегодня не едем!